

УДК 343

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ СОЗДАНИЯ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ): ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

А. Я. ГРИШКО¹⁾

¹⁾Нижегородская академия МВД России,
Анкудиновское шоссе, 3, БОКС – 268, 603950, г. Нижний Новгород, Россия

Затронуты правоприменительные проблемы реализации уголовной ответственности лидеров преступного мира в Российской Федерации и Республике Беларусь. Обращается внимание на то, что в указанных странах на легитимном уровне отсутствует правовая регламентация понятийного аппарата, относящегося к теме воров в законе, что существенно образом отражается на работе правоохранительных и судебных органов по противодействию созданию преступных сообществ (преступных организаций). В связи с этим предложено по аналогии с Законом Республики Грузия от 20 декабря 2005 г. № 2354-вс «Об организованной преступности и рэкете» разработать унифицированные нормы по усилению межгосударственного воздействия на организованную преступность с последующей их взаимной имплементацией.

Ключевые слова: преступное сообщество; противодействие организованной преступности; лидеры преступного мира; воров в законе; воровской мир; криминализация общества.

SPECIAL SUBJECT OF CREATION CRIMINAL COMMUNITY (CRIMINAL ORGANIZATION): ISSUES OF LEGISLATION UNIFICATION OF BELARUS AND RUSSIA

A. Ya. GRISHKO^a

^aNizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
3 Ankudinovskoe Highway, BOX – 268, Nizhny Novgorod 603950, Russia

This article addresses the enforcement problems of criminal responsibility of the leaders of the criminal world in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The author draws attention to the fact that in these countries there is no legitimate legal regulation of the conceptual apparatus related to the topic of thieves in law, which significantly affects the work of law enforcement and judicial bodies in counteracting the creation of criminal communities (criminal organizations) in connection with which it is proposed, by analogy with the Law of the Republic of Georgia of 12 December 2005 No. 23-54-вс «On organized crime and racket», to develop unified standards to enhance interstate influence on the organized crime, with subsequent reciprocal implementation.

Keywords: criminal community; the fight against organized crime; the leaders of the criminal world; thieves in law; thieves' world; the criminalization of society.

Образец цитирования:

Гришко АЯ. Специальный субъект создания преступного сообщества (преступной организации): вопросы унификации законодательства Беларуси и России. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020;1:72–78.

For citation:

Grishko AY. Special subject of creation criminal community (criminal organization): issues of legislation unification of Belarus and Russia. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2020;1:72–78. Russian.

Автор:

Александр Яковлевич Гришко – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права.

Author:

Alexander Ya. Grishko, doctor of science (law), full professor; professor at the department of criminal and criminal-executive law.
grishkoaleksandr@yandex.ru

Введение

Не вызывает сомнения тот факт, что организованная преступность – одна из самых острых и сложных проблем, стоящих перед обществом. Количество преступлений, совершенных организованными группами или преступными сообществами в России, неуклонно растет. В 2016, 2017, 2018 гг. этот показатель

составил 12,6, 13,2, 15,6 тыс. преступлений соответственно. Стремительное развитие организованной преступности на территории государств, образовавшихся после распада СССР, в том числе в России и Беларуси, требует повышения эффективности мер, направленных на борьбу с этим явлением.

Основная часть

Одной из характерных особенностей современной организованной преступности является ее транснациональный характер и нередко интернациональный состав преступных сообществ (преступных организаций), в которых могут самостоятельно действовать на территории различных государств несколько групп, возглавляемых единым центром.

Статистические данные свидетельствуют о росте активности организованных преступных групп и сообществ (организаций) в России и Беларуси. Высока степень латентности преступлений, совершаемых указанными преступными формированиями.

Организованный характер является одной из отличительных черт преступности и в Беларуси. Оценка действующего законодательства, регламентирующего борьбу с деятельностью преступных сообществ (организаций), позволяет сделать вывод, что правовая база противодействия этому криминальному явлению недостаточно разработана. Это, на наш взгляд, является одной из причин низких показателей борьбы с организованными преступными формированиями. Унификация законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь (в первую очередь уголовного) должна иметь своей целью выработку таких правовых норм борьбы с организованными преступными формированиями, которые явились бы эффективным средством, не позволяющим их организаторам и участникам избежать ответственности. Они должны быть достаточно единообразными в правовых системах этих государств. Установление, в частности, унифицированных уголовно-правовых норм в указанной сфере борьбы с преступностью будет способствовать формированию единой судебной практики, касающейся квалификации деяний, связанных с созданием преступного сообщества (преступной организации).

Одним из значимых аспектов решения данной проблемы является тема унифицированного порядка привлечения к уголовной ответственности лидеров преступного мира. Данная проблема в зна-

чительной степени актуализируется различным подходом законодателей России и Беларуси к ее решению. Дело в том, что российский законодатель осуществил дифференциацию оснований уголовной ответственности указанных лиц. В качестве специального субъекта преступлений, предусмотренных ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), он выделил лиц, занимающих ведущее место в преступной иерархии (ч. 4). Кроме того, 1 апреля 2019 г. УК РФ был дополнен ст. 210¹, предусматривающей ответственность за сам факт занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Уголовное законодательство Республики Беларусь аналогичных норм не имеет.

Введение данных новелл в российское законодательство обусловлено складывающейся обстановкой в обществе, влиянием воровского движения на криминализацию общества.

Ярким примером влияния воровского движения на общество, особенно молодых людей (школьников), явилась информация ответственного секретаря Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (Совет по правам человека) Я. Лантратовой, изложенная в докладе на заседании Совета по правам человека с участием Президента Российской Федерации 8 декабря 2016 г., о негативном влиянии на детей и подростков криминальной субкультуры АУЕ (арестантско-уркаганское единство, или арестантский уклад един). Она в деталях описала многие острые проблемы, с которыми сталкиваются дети в школах и интернатах: «В тюрьме сидит человек, у него есть *смотрящие* на воле, они связываются с детьми в социальных учреждениях, устанавливают свои порядки. И подростков заставляют сдавать деньги на *общак* для зоны, а если ребенок не может их сдать или украсть и совершить преступление, то он переходит в разряд *опущенных*: у него отдельная парта, отдельная посуда, над ним можно издеваться и его можно насилловать». При этом, как отметила Я. Лантратова, самое страшное, что, когда они выйдут из этих спецшкол, их будет целая армия. Это проблема национальной безопасности^{1*}.

^{1*}Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 8 декабря 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: kremlin.ru/events/president/news/53440 (дата обращения: 15.01.2020) ; Встреча Президента с Советом по развитию гражданского общества и правам человека : стенограмма [Электронный ресурс]. URL: president-sovet.ru/events/meetings/read/13/ (дата обращения: 15.01.2020).

Через главу следственного комитета А. Бастрыкина секретарь Совета по правам человека устроила проверку. И когда дети стали давать показания, то в детдом явились двое взрослых *смотрящих*. Они объяснили *малолеткам*, что *стучать* – это не по понятиям, а всякий, кто сотрудничает с *ментами*, сам становится *красным*, т. е. *козлом*. Таков АУЕ. *Смотрящих* к уголовной ответственности не привлекали, привлекли воспитательницу.

АУЕ охватило целые регионы, в частности Забайкальский край, Республику Бурятия, Иркутскую область. Неформальное движение в Бурятии и Забайкальском крае буквально поглощает местную молодежь, а заправляет *блатным миром* один человек – авторитет Г. Углава по прозвищу Тахи^{2*}.

По данному факту в издании «Новая газета» появилась статья об АУЕ под названием «Страна из трех букв». По мнению автора материала А. Тарасова, аббревиатура АУЕ стала настоящей идеологией и объектом поклонения среди подростков, склонных к криминалу. Ее используют в качестве возгласа-приветствия, для идентификации *свой – чужой* и при нападениях на граждан. Издание называет АУЕ «новой пионерией» и отмечает, что без досконального изучения движения, пропагандирующего тюремную романтику, невозможно понять криминализацию современных подростков, которая сегодня «достигла пугающих масштабов»^{3*}. Указом Президента Российской Федерации от 17 февраля 2016 г. принята отставка губернатора Забайкальского края К. Ильковского по собственному желанию: формально за срыв переселения из аварийного жилья, но, по мнению многих забайкальцев, в связи с неутраченным криминальным скандалом.

В январе 2017 г. по итогам заседания Совета по правам человека Президент Российской Федерации утвердил перечень поручений. Одно из них предусматривает создание межведомственной рабочей группы с участием членов упомянутого совета по предотвращению криминализации подростковой среды.

Уже приведенные и другие примеры свидетельствуют об особой опасности лиц, которые являются лидерами преступного мира. Уголовный закон России предусматривает для них конкретные меры.

Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» была установлена уголовная ответственность для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, которые создали преступное сообщество (преступную организацию)

в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководили таким сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координировали действия организованных групп, создавали устойчивые связи между ними, разрабатывали планы и создавали условия для совершения преступлений организованными группами или проводили раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами, участвовали в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ в УК РФ была введена статья, предусматривающая ответственность за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ).

В теории и на практике обе вышеупомянутые нормы вызвали неоднозначную оценку. Так, ч. 4 ст. 210 УК РФ за прошедшие с момента ее принятия 10 лет имеет лишь единичные случаи применения. Во многом это объясняется наличием оценочного понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». По этой же причине у некоторых авторов вызывает сомнения активность применения ст. 210¹ УК РФ. В научной литературе также имеется взгляд о несостоятельности данной нормы с точки зрения теории уголовного права, поскольку она предусматривает привлечение к уголовной ответственности не за деяние, а за характеристику личности, за определенное состояние, а не за акт человеческого поведения [1, с. 160].

Как видим, имеются мнения о несостоятельности данных норм [2, с. 105], с которыми нельзя согласиться.

Полагаем, что слабая судебная практика не является поводом для отмены ч. 4 ст. 210 УК РФ. Криминальная ситуация в стране, рост организованной преступности, преступлений, предусмотренных указанной статьей, преобладают при решении вопроса о необходимости данной нормы. Следует подумать, как ее заставить работать, о механизме ее реализации.

Такой опыт имел место при реализации других норм данной статьи. В 1997 г., в первый год существования УК РФ, в стране был единственный случай осуждения лиц по ст. 210 УК РФ. Тогда тоже поднимался вопрос о ее необходимости. Однако принятие постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной практике рас-

^{2*}Иванов А. «Бандиты и беспризорники оказались предоставлены друг другу»: АУЕ продолжает наступление на Бурятию и Забайкалье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infpol.ru/105711-bandity-i-besprizorniki-okazalis-predostavleny-drug-drugu-aue-prodolzhaet-nastuplenie-na-buryatiyu-i/> (дата обращения: 15.01.2020).

^{3*}Страна из трех букв [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iz-treh-bukv> (дата обращения: 12.10.2019).

смотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) в июле 2008 г. и июне 2010 г., проведение ряда организационно-управленческих мероприятий по линии прокуратуры и других правоохранительных органов, разработка различного рода обзоров, методических рекомендаций позволили создать механизм реализации ст. 210 УК РФ, что тут же сказалось на активности правоприменительной практики. Сегодня количество регистрируемых преступлений, предусмотренных данной статьей, составляет более 200 ежегодно [3, с. 83].

При оценке эффективности указанных норм следует учитывать не только количество возбужденных дел, но и их общее превентивное заключение. В данном контексте уместно будет привести «грузинский пример». После введения в Уголовный кодекс Грузии ответственности за членство в воровском сообществе для вора в законе (ст. 223¹) в республике исчезла проблема воровского движения [4, с. 535–542].

Зато в России среди так называемых воров в законе, отбывающих наказание в виде лишения свободы, по национальному признаку преобладают грузины (33 %); второе место занимают русские (32 %), третье – армяне (8 %), четвертое – азербайджанцы (5 %) [5, с. 544].

Представляется, что такая ситуация может ожидать и Республику Беларусь в связи с введением в Российской Федерации уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии (при отсутствии таковой в Беларуси). Учитывая особенности межгосударственного образования – Союзного государства, правового статуса граждан Беларуси и России, очевидным становится, что возможностей ухода от указанной ответственности у преступного мира гораздо больше, чем в Грузии. К тому же санкции по УК РФ для лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, гораздо жестче, чем в Уголовном кодексе Грузии^{4*}.

Кроме того, жесткость санкции за данное преступление усиливается тем, что лица, осужденные за его совершение, направляются для отбывания наказания в соответствующее исправительное учреждение, расположенное в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы (ч. 4 ст. 73 Уголовно-процессуального ко-

декса Российской Федерации, далее – УИК РФ), место отбывания наказания для них не определяется общим правилом (в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором осужденный проживал или был осужден (ч. 1 ст. 73 УИК РФ)).

Заслуживает внимания опыт Грузии в законодательном закреплении основных понятий, относящихся к теме воров в законе. Так, Закон Республики Грузия от 20 декабря 2005 г. № 2354-вс «Об организованной преступности и рэжете» в ст. 3 закрепляет следующие дефиниции: воровское сообщество, член воровского сообщества, воровская разборка, вор в законе^{5*}.

Существенным с точки зрения реализации указанных уголовно-правовых норм, является установление в приведенном законе доказательных стандартов, свидетельствующих о принадлежности лица к воровскому миру, которое подразумевает:

а) признание воровского мира, разделение его целей, публично выраженная поддержка воровского мира и понятий. Первостепенным источником для приобретения вышеизложенных доказательств являются показания свидетелей и пострадавших, а также показания самого обвиняемого (подозреваемого). Нахождение доказательств, подтверждающих причастность лица к воровскому миру, также возможно в различных инстанциях судебных решений, как в мотивационной, так и в резолюционной частях, а также в личном деле осужденного;

б) совершение лицом определенных действий для осуществления воровских целей. Вышеозначенное может выражаться в выполнении любого поручения вора в законе, которое может включать в себя как совершение преступления, так и осуществление других неправомерных и правомерных действий (например, если лицо добровольно передает деньги воровскому миру, но принуждением, утратившим или угрозой вышеозначенное действие не приносит соответственного состава);

в) наличие судимости, образ жизни и другие обстоятельства, которые могут подтвердить его связь с воровским миром.

Вор в законе – авторитетное лицо в воровском мире, заданиям которого подчиняется круг определенных лиц. Авторитет лица в воровском мире могут подтверждать решения суда на различных инстанциях, как мотивационные, так резолюционные части, а также личное дело осужденного. Вора

^{4*}Если по Уголовному кодексу Грузии максимальный срок лишения свободы составляет 8 лет, то по УК РФ – 15 лет. Минимальный срок данного наказания в Грузии – 7 лет, в России – 8 лет.

^{5*}Воровское сообщество – любая общность лиц, действующая в соответствии со специальными правилами, установленными (признаваемыми) этими лицами, целью которой является извлечение выгоды для ее членов или других лиц путем утративания, угроз, принуждения, принуждения при условии хранить молчание, воровских разборок, вовлечения малолетних в преступные деяния, совершения преступления либо подстрекательства к совершению преступления. Член воровского сообщества – любое лицо, признающее воровское сообщество и активно действующее для достижения целей воровского сообщества. Воровская разборка – разрешение членом воровского сообщества спора между двумя или более лицами, сопровождающееся угрозами, принуждением, утративанием или иными незаконными деяниями. Вор в законе – член воровского сообщества, который в соответствии со специальными правилами в любой форме управляет и (или) организует воровское сообщество или определенную группу лиц.

в законе отличает дача поручения любому лицу или группе лиц, которое в случае его осуществления будет служить достижению целей воровского мира. Задание может предусматривать как совершение неправомерных (например, совершение преступления, неподчинение), так и правомерных действий (как активным действием, так и уклонением от действий – бездействием). Основным источником установления факта дачи задания являются показания свидетелей и потерпевших, а также показания членов воровского мира (обвиняемых в участии), которые либо непосредственно, либо как-то иначе выполняли задание.

Воровской разбор, а равно организация разбора или участие в собрании (сходке) воров в законе подтверждается показаниями свидетелей, пострадавших, подозреваемых или обвиняемых, а также различными аудио- или видеозаписями.

Для установления вышеозначенных преступлений могут также активно использоваться другие доказательства, найденные в результате следственных действий, а также информация, полученная посредством скрытого прослушивания и слежки, а также конфиденциальных показаний.

Учитывая, что в России закона, аналогичного грузинскому, нет, а также исходя из того, что единственным уголовным законодательным актом является УК РФ, представляется, что основные понятия в рассматриваемой сфере (лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, преступная иерархия) целесообразно закрепить в примечании к ст. 210 УК РФ.

В деле активизации нормы ст. 210¹ УК РФ значимым является уяснение такого субъективного признака, как вина. Так, А. В. Иванчин считает, что в данном случае происходит подмена данного понятия «опасным состоянием личности» [1, с. 161]. Говоря об отсутствии вины, автор этой гипотезы игнорирует то, что так называемый вор в законе в силу его преступного опыта не может не осознавать степень собственного влияния на окружающих даже самым фактом своего присутствия. «Именно создание реальной возможности причинения большего вреда, обусловленное повышенной опасностью лидера преступного сообщества, является основанием для уголовной ответственности за занятие такого положения», – пишет В. Н. Бурлаков [6, с. 83]. В принципе, такое понимание основания уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210¹ УК РФ справедливо, однако следует дополнить, что речь должна идти не только о создании возможностей для причинения вреда, но и об осознании его реальности.

Наиболее ярко это проявляется в местах лишения свободы. При отбывании наказания воры в законе используют различные возможности для укрепления своего авторитета и влияния на бли-

жайшее окружение и основную массу осужденных, активно внедряют уголовные обычаи и традиции, противодействуют администрации исправительного учреждения [5, с. 544].

Воры в законе «являются своеобразными суперлидерами антисоциальных неформальных общностей и представляют собой модель или эталон криминализированной личности, в которой фокусируются основные ценности субкультуры преступника, а также социально-политические и нравственные черты, детерминирующие отчужденность человека от интересов общества и положительно ориентированных социальных групп», – пишет Ю. М. Антонян [7, с. 67]. Их отличает бескомпромиссность, изобретательность, изощренность, общительность, решительность, способность подчинить своей воле как лиц с криминальной установкой, так и представителей государственных структур [8, с. 86]. И потом, если такое лицо не желает оказывать влияние на других, не хочет быть привлеченным к уголовной ответственности, что мешает ему принять меры к развенчанию своего воровского статуса?

При указанном понимании опасного состояния можно поставить под сомнение правомерность институтов судимости, превентивного заключения (Германия, Швейцария и др.), административного надзора (Россия), профилактического наблюдения и превентивного надзора (Беларусь) и др. Ведь основанием применения указанных институтов является не что иное, как степень опасности лица, которая определяется по соответствующим признакам. Личность лидеров преступного мира характеризуется крайне отрицательно: степень и уровень их криминализации, роль в криминальном влиянии на окружающих превосходит все другие категории преступного мира.

О теоретической и законодательной состоятельности нормы ст. 210¹ УК РФ свидетельствует Постановление Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) от 15 июля 2014 г. № 5554/08. В жалобе заявитель указывал, что норма ч. 1 ст. 223¹ Уголовного кодекса Грузии (принадлежность к воровскому миру) не была достаточно точной, чтобы он мог определить для себя, какие именно действия обнаруживают состав преступления.

В своем постановлении ЕСПЧ отметил, что «влияние, оказываемое на грузинское общество “воровским миром”, не ограничено тюремным сектором, оно распространяется на широкие слои населения и, в частности, на уязвимых членов общества, таких как молодежь. Логическое обоснование решения принять конкретные законы, касающиеся преступного мира, состояло в том, чтобы помочь государству эффективнее бороться с этими опасными преступными синдикатами, которые касаются не только криминального подполья, но и за-

разили многие аспекты обычной жизни общества» [9, с. 81–85].

В постановлении Европейского суда отмечается, что «ч. 1 ст. 223¹ УК была частью более широкого законодательного пакета, принятого в тот же день и включавшего Закон “О борьбе с организованной преступностью и рэкетом”. Раздел 3 этого закона всеобъемлюще разъяснил определения терминов, таких как “воровской мир” и “вор в законе”. Взятая во взаимосвязи с этим законом, ч. 1 ст. 223¹ УК сообщает обычному человеку все необходимые со-

ставляющие элементы двух преступлений, относящихся к функционированию “воровского мира”. Соответственно, если не через общее значение, то со ссылкой на раздел 3 Закона “О борьбе с организованной преступностью и рэкетом” и при необходимости с помощью адвоката заявитель мог бы легко предвидеть, что его действия будут влечь за собой уголовную ответственность по части первой ст. 223¹ УК» [9, с. 81–85]. ЕСПЧ пришел к выводу, что по данному делу не было допущено нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Заключение

Сопоставление норм уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере противодействия созданию преступных сообществ (преступных организаций) позволяет сделать вывод, что, несмотря на имеющуюся идентичность, они имеют свои особые характеристики.

Так, белорусское законодательство, в отличие от российского, предусматривает ответственность за принуждение лица к совершению преступления либо к участию в преступной организации (ст. 288 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Заслуживает всяческого одобрения установление Уголовным законом Беларуси освобождения от уголовной ответственности лица, которое, выполняя специальное задание по предупреждению, выявлению и пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершает преступление (ст. 38).

Обратим внимание на содержание норм УК РФ об ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210,

ст. 210¹). Необходимость установления таких норм обусловливается значительным количеством данных лиц и их влиянием на криминальную ситуацию в обществе. В 2018 г. на учете ОВД состояло 217 так называемых воров в законе. Однако только 18 из них были привлечены к уголовной ответственности, в отношении 16 принято решение о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации.

Как видно, значительная доля таких лиц остается без какого-либо правового, в том числе и уголовно-правового, воздействия. В условиях введения уголовной ответственности за сам факт принадлежности лица к лидерам преступной иерархии возникает угроза их эмиграции в страны, где такой ответственности нет. В данной ситуации Беларусь вызывает наибольший интерес. Определенно, с точки зрения усиления межгосударственного воздействия на организованную преступность указанные нормы подлежат взаимному имплементированию.

Библиографические ссылки

1. Иванчин АВ. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ) – пример необоснованной криминализации. В: Лопашенко НА, редактор. *IV Саратовские уголовно-правовые чтения: уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности: сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции; 30 сентября – 1 октября 2019 г.; Саратов, Россия*. Саратов: Издательство Саратовской государственной юридической академии; 2019. с. 159–161.
2. Быков ВМ. Проблемы применения ст. 210 УК РФ в новой редакции Федерального закона РФ от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ. *Право и политика*. 2011;1:99–105.
3. Гришко АЯ. Особо квалифицирующий признак создания преступного сообщества (преступной организации). *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017;2:82–85.
4. Сухаренко А. Разборки в ЕСПЧ. *Эж-Юрист*. 2014;5:535–542.
5. Горяинов КК, Овчинский ВС, редакторы. *Теория оперативно-розыскной деятельности*. Москва: ИНФРА-М; 2018. 762 с.
6. Бурлаков ВН. Высшее положение в преступной иерархии как основание уголовной ответственности. В: Лопашенко НА, редактор. *IV Саратовские уголовно-правовые чтения: уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности: сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции; 30 сентября – 1 октября 2019 г.; Саратов, Россия*. Саратов: Издательство Саратовской государственной юридической академии; 2019. с. 81–85.
7. Антонян ЮМ, редактор. *Множественный рецидив преступлений*. Рязань: Академия ФСИН России; 2019. 316 с.
8. Гришко АЯ. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации). *Человек: преступление и наказание*. 2016;3:84–88.
9. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 июля 2014 года. Дело «Ашларба против Грузии». *Бюллетень Европейского суда по правам человека*. 2014;11:81–85.

References

1. Ivanchin AV. [The occupation of a higher position in the criminal hierarchy (Article 2101 of the Criminal Code of the Russian Federation) is an example of unjustified criminalization]. In: Lopashenko NA, editor. *IV Saratovskie ugodovno-pravovye chteniya: ugodovno-pravovoe vozdeistvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti: sbornik statei po materialam IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 30 sentyabrya – 1 oktyabrya 2019 g.; Saratov, Rossiya* [Criminal law impact and its role in crime prevention: 4th Saratov criminal law readings: a collection of articles based on the materials of the 4th All-Russian scientific and practical conference; 2019 September 30 – October 1; Saratov, Russia]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii; 2019. p. 159–161. Russian.
2. Bykov VM. [Problems applying Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation as amended by the Federal Law of the Russian Federation of 3 November 2009 No. 245-ФЗ]. *Pravo i politika*. 2011;1:99–105. Russian.
3. Grishko AY. [A particularly qualifying sign of the creation of a criminal community (criminal organization)]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 2017;2:82–85. Russian.
4. Sukhareno A. [Disassembly at the ECHR]. *Ezh-Yurist*. 2014;5:535–542. Russian.
5. Goryainov KK, Ovchinsky VS, editors. *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [The theory of operational investigative activity]. Moscow: INFRA-M; 2018. 762 p. Russian.
6. Burlakov VN. [The highest position in the criminal hierarchy as the basis of criminal liability]. In: Lopashenko NA, editor. *IV Saratovskie ugodovno-pravovye chteniya: ugodovno-pravovoe vozdeistvie i ego rol' v preduprezhdenii prestupnosti: sbornik statei po materialam IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 30 sentyabrya – 1 oktyabrya 2019 g.; Saratov, Rossiya* [4th Saratov criminal law readings: Criminal law impact and its role in crime prevention: a collection of articles based on the materials of the 4th All-Russian scientific and practical conference; 2019 September 30 – October 1; Saratov, Russia]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii; 2019. p. 81–85. Russian.
7. Antonyan YuM, editor. *Mnogokratnyi retsidiv prestuplenii* [Multiple relapse of crime]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii; 2019. 316 p. Russian.
8. Grishko AY. Criminological characteristics of the person holding the highest position in the criminality (Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2016;3:84–87. Russian.
9. [The judgment of the European Court of Human Rights of 15 July 2014. *Ashlarba v. Georgia*]. *Byulleten' Evropeiskogo suda po pravam cheloveka*. 2014;11:81–85. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.02.2020.
Received by editorial board 24.02.2020.